

ЧЕСТЕРФИЛД О ВОСПИТАНИИ ДЖЕНТЛЬМЕНА

Филип Дормер Стенхоп, граф Честерфилд (1694-1773), происходил из знатного английского рода. Он был старшим сыном третьего графа Честерфилда и Елизаветы Сэвил, дочери маркиза Галифакса. При жизни он был известен как видный государственный деятель, дипломат, один из лидеров партии вигов в парламенте. Его общественная деятельность началась, когда после внезапной смерти королевы Анны в 1714 году в силу акта о престолонаследии королем Англии был провозглашен немецкий курфюрст Георг I, ставший первым правителем, происходившим из Ганноверского дома. Честерфилд занимал ряд крупных государственных постов: в 1772-1732 гг. он был послом в Голландии, в 1745-1746 – заместителем в Ирландии, в 1746-1748 был назначен на еще более высокий пост государственного секретаря.

Но настоящую известность принесли Филипу Стенхопу опубликованные через год после его смерти «Письма к сыну». Благодаря им он вошел в историю XVIII века как выдающийся писатель, публицист, философ-моралист и педагог. «Письма к сыну» графа Честерфилда приобрели известность сразу же при первом издании книги. Впоследствии она переиздавалась по несколько раз в год, была переведена на все европейские языки и стала классическим образцом английской эпистолярной книги. В XIX веке было опубликовано еще несколько книг Честерфилда, рукописи которых нашли в его семейных архивах или перепечатали со страниц английских журналов, и его репутация писателя, мыслителя и педагога сложилась окончательно.

Вместе с тем понимание личности Честерфилда и его знаменитой книги было неоднозначным. Его считали мудрым воспитателем просветительского склада, опытным педагогом, выработавшим законченную педагогическую систему, и в то же время объявляли беспринципным циником, проповедником эгоистической морали, вельможей, во всех тонкостях изучившим искусство придворного лицемерия. Так, Вольтер в 1774 г. писал о том, что «книга эта весьма поучительна и, пожалуй, это самое лучшее из всего когда-либо написанного о воспитании» [1]. Вместе с тем, Ч. Диккенс в своем историческом романе «Барнеби Рэдж» (1841) изобразил Честерфилда под именем сэра Джона Честера, джентльмена элегантно и благовоспитанного, но бессердечного и эгоистичного, который принял участие в так называемом «Гордоновском бунте» 1780 года вместе с отребьем преступного мира [2]. Английские критики нередко утверждали, что Честерфилд был мало похож на английского джентльмена и что он усвоил типичные черты французского вельможи конца царствования Людовика XIV и начала регентства [3]. Но и французские авторы не всегда были к нему благосклонны. С особым негодованием писал о нем знаменитый французский историк XIX века Ипполит Тэн. В своей «Истории английской литературы» он посвятил «Письмам к сыну» две страницы, состоящие из весьма тенденциозно подобранных цитат, подтверждающих его мысль о том, что Честерфилд говорит о таких понятиях, как «справедливость» и «честь» лишь вскользь, для приличия, а главным в человеке для него являются «хорошие манеры» [4]. В XX веке споры вокруг «Писем к сыну» улеглись, оценки

стали более взвешенными и спокойными. Связано это скорее всего с тем, что современники были беспомощны в критике увиденных Честерфилдом, часто тщательно скрывааемых черт человеческой личности, перед той обезоруживающей честностью и прямоотой, с которой были написаны «Письма». Дело в том, что они никогда не предназначались для печати и были написаны с той степенью откровенности, с какой отец, готовя сына к будущей карьере дипломата и государственного деятеля, мог говорить с ним, не боясь быть непонятым. Честерфилд описывал человеческие отношения в том светском обществе, полноправным членом которого предстояло стать его сыну. Будучи человеком большого вкуса и редкой начитанности, знаток всех стран Европы, он был несомненно интересным бытописателем своего времени и мыслителем. Эпиграфом к его книге можно было бы с полным правом отнести слова из «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо: «Я видел нравы моего времени и опубликовал эти письма» [5]. Для историков XX века это произведение стало «Книгой истории».

И все же основная цель писем педагогическая. Именно поэтому они представляют огромный научный интерес с точки зрения реконструкции определенной педагогической системы, целью которой являлось воспитание истинного английского джентльмена, далекого от идеальной личности, но умеющего жить и добиваться положения в высшем обществе.

Родительские письма к сыну – один из весьма распространенных жанров в мировой педагогической литературе. И в Византии, и в Западной Европе, и в Древней Руси этим жанром часто пользовались для изложения моральных правил, так как видели в нем одно из средств придать этим правилам внушительность и своего рода непререкаемость отцовского наставления. Образцом для многих ранних подобных произведений служили наставления сыну в так называемых

«Притчах Соломоновых», «Поучения отца к сыну». Среди многочисленных образцов в этом жанре, написанных в средние века, – труд византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанный в форме поучения к сыну, наставления Людовика Святого («Enseignements»), внесенные в «Хронику» Жуанвиля, и многие другие. Интересно, что одно из ранних произведений этого рода возникло на заре английской истории – англосаксонские «Father Larcwidas», т.е. «Отцовские поучения». Непосредственными предшественниками «Писем» Честерфилда можно считать целую серию трактатов, которые имели воспитательно-образовательные задачи и были предназначены для детей дворянского круга. К их числу относятся называемые самим Честерфилдом «Искусство нравиться в разговоре» и знаменитая тогда книга испанского моралиста Балтасара Грациана, озаглавленная в английском переводе «Совершенный джентльмен» [6]. Честерфилду был также хорошо знаком и трактат Дж.Локка «О воспитании». В 1748 году он послал Филипу Стенхопу экземпляр этой «знаменитой книги» с рядом подчеркнутых мест, предлагая над ним поразмыслить [7]. Эпистолярный жанр был настолько популярен в XVIII веке, что многие литературные произведения были написаны в форме переписки. Примером могут служить романы «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо и «Опасные связи» Ш. Де Лакло.

«Письма к сыну» писались с 1739 по 1768 год почти ежедневно и были адресованы его незаконнорожденному сыну Филипу Стенхопу, который родился в 1732 году и воспитывался матерью вдали от отца, с которым он виделся очень редко. Однако отец взял на себя материальные заботы о воспитании сына, сам подыскал ему лучших учителей, обеспечил продолжительное путешествие по континентальной Европе. Всего до нас дошло свыше 420 писем, начиная от самых ран-

них, обращенных к восьмилетнему мальчику, и кончая написанными за несколько дней до смерти тридцатишестилетнего дипломата (1732-1768). И все это время Честерфилд внимательно следил за воспитанием сына, стремясь сделать из него светского человека и дипломата. Однако карьера молодого Стэнхопа не состоялась. Более того, когда в 1768 году его сын умер от чахотки в возрасте 36 лет, Честерфилд узнал, что тот был давно женат и имел двоих детей, существование которых от него тщательно скрывалось. Честерфилд с горечью узнал о том, что он вел собственную жизнь, таясь и ни разу не признавшись в том, что очень далек от всего, о чем мечтал для него отец. Вдова сына, Юджиния Стэнхоп, видимо, первой поняла историческую ценность писем. Несмотря на многочисленные трудности, она опубликовала эти письма в 1774 году [8].

Сам Филип Дормер Стэнхоп, будущий граф Честерфилд, еще в малолетстве был отдан на попечение домашних наставников. Главным из них был преподаватель Жуну, который происходил из французской протестантской семьи, эмигрировавшей в Англию после Нантского эдикта 1685 г., и занимал должность священника во французской протестантской церкви в Лондоне. От него мальчик получил первые сведения о древних и новых языках, истории и философии. Он подготовил юношу к поступлению в Кембриджский университет, куда тот был определен в 1712 г. в шестнадцатилетнем возрасте. Но не учеба в университете, который Честерфилд позднее назовет «затхлым учебным заведением» [9], определила его будущее мировоззрение. Безусловное влияние на него оказало пребывание в эмиграции во Франции в 1719-1721 гг. Его знакомство с Монтескье переросло впоследствии в тесную дружбу. Именно Честерфилд в 1729 году принимал у себя будущего автора «Духа законов», когда тот приехал в Англию ближе познакомиться с англий-

ской парламентской системой. Тогда же произошли и первые встречи Честерфилда с Вольтером, дружба и переписка с которым не прерывались до самой смерти, и с находившимся в то же время в эмиграции выдающимся английским писателем и общественным деятелем лордом Болингброком. Вернувшись в Лондон в 1722 г., Честерфилд установил тесные связи с английскими литераторами, среди которых были Аддисон, Свифт, Поп, Гей, Арбетнот, известные своими просветительскими взглядами [10].

Честерфилд видел в сыне «новое издание самого себя, исправленного по сравнению с предыдущим» (46)*. Он хотел передать сыну весь свой жизненный опыт, чтобы тот смог избежать многих ошибок молодости, которые, как считал Честерфилд, ранили и уродовали его самого, и добился бы «совершенства во всем», то есть стал истинным джентльменом (16). Это был своеобразный педагогический эксперимент, попытка создать идеальную модель воспитания и образования джентльмена. На практике он потерпел полный провал, но его теоретическая модель, безусловно, представляет собой научную ценность.

Будучи рационалистом, утилитаристом, ратуящим за человека действия, он считал, что каждый разумный человек ставит перед собой какую-то задачу, более важную, чем просто дышать и влачить безвестное существование. Он хочет так или иначе выделиться среди себе подобных, и какому бы делу он ни был предан, добивается славы доблестным поступком или изрядным искусством. Так, приводит он пример из римской истории, пускаясь в путь во время бури, Цезарь сказал, что ему нет необходимости оставаться в живых, но зато совершенно необходимо добраться до назначенного места. Что же касается тех, кто

* Здесь и далее в тексте в скобках указываются страницы «Писем к сыну» Честерфилда издания 1978 года под ред. М.П. Алексева.

не делает ни того, ни другого, полагаю, что жизнь их и смерть схожи, потому что и ту, и другую люди обходят молчанием, приводит Честерфилд латинское изречение (113). Можно сказать, что сам Честерфилд был последователен в осуществлении своей педагогической задачи. Он действительно построил модель воспитания идеального джентльмена, которая вобрала в себя как иллюзии века Просвещения о приоритете воспитания над всеми другими факторами, влияющими на формирование человека, так и архаические черты, присущие традиционной, оставшейся от средневековой системе дворянского образования и воспитания.

Как и большинство аристократических семей, Честерфилд готовил сына к двум поприщам – парламент и дипломатия. Но он ставил перед ним более важную задачу, которая так или иначе звучит в каждом письме, – воспитание «настоящего джентльмена, светского человека, придворного» (212). Он писал: «Человек должен поставить перед собой цель, но надо также знать, какими средствами она достигается, и уметь эти средства должным образом применять, иначе все усилия окажутся тщетными и несостоятельными. В том и другом случае знания – это начало и источник, но это еще ни коим образом не все. Знания эти должны быть украшены, у них должен быть блеск, или их скорее всего примут не за золото, а за свинец. Я уже столько писал тебе о хорошем воспитании, обходительности, обходительных манерах и т. п.» (113).

Честерфилд очень четко определил основные задачи, которые должны решаться в процессе воспитания будущего джентльмена, наставляя сына: «Во-первых, надо исполнять свой долг перед богом и людьми, – без этого все, что бы ты ни делал, теряет свое значение; во-вторых, приобрести большие знания, без чего к тебе будут относиться с большим презрением, даже если ты будешь очень порядочным человеком; и, наконец, быть

отлично воспитанным, без чего при всей своей порядочности и учености ты будешь человеком не только неприятным, но просто невыносимым» (16).

Говоря об исполнении долга перед богом и людьми, Честерфилд имел в виду выработку определенных нравственных принципов. Однако им посвящена лишь очень небольшая часть писем, которые были написаны в основном в ранние годы, когда мальчику было 9 – 10 лет. Эти письма изобилуют цитатами и примерами из античной классической литературы и не содержат в себе ничего нового. Вслед за Локком Честерфилд считал, что основа жизненных успехов в добродетельности и благородстве. Большую роль в привитии этих качеств он отводил истории, в первую очередь древнего Рима. Разделяя общий для всех просветителей XVIII в. взгляд на античную историю как на источник хороших или дурных нравственных поступков, он приводил многочисленные примеры щедрости, великодушия по отношению к врагам, скромности, выдержки и трудолюбия римлян. «Ты занят историей Рима, – писал он, – надеюсь, что ты уделишь этому предмету достаточно внимания и сил. Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас: касательно них нам надлежит сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру и толкает на благие деяния, она показывает нам, как во все времена чттили и уважали людей великих и добродетельных при жизни. В истории Рима мы находим больше примеров благородства и великодушия, иначе говоря – величия души, чем в истории какой-либо другой страны» (6). Интерес к истории, как к хранителю опыта, накопленного человечеством, стал всеобщим в XVIII веке.

Рассуждая о таких качествах, как благородство и честь, щедрость и доброта, правдивость и старательность, расположение к людям и сочувствие им, Честерфилд исходил прежде всего из чисто

прагматических соображений, считая, что эти качества утвердят за человеком хорошую репутацию, удовлетворят его здоровое честолюбие и помогут занять высокое положение в обществе: «честолюбие глупца ограничивается стремлением иметь хороший выезд, хороший дом и хорошее платье – вещи, завести которые с таким же успехом может всякий, у кого много денег, ибо все это продается. Честолюбие же человека умного и порядочного заключается в том, чтобы выделиться среди других своим добрым именем и быть ценимым за свои знания, правдивость и благородство, качества, которые никогда не могут быть куплены, а могут быть приобретены только тем, у кого ясная голова и доброе сердце» (9-10).

Такой же утилитарный подход Честерфилд обнаруживает и в вопросах образования. Он не приемлет только книжное классическое образование, которое сохранилось в образовательной системе Англии со времен средневековья, и считает, что полезными являются только те знания, которые впоследствии могут быть использованы в государственной или дипломатической деятельности и окажутся нужными для жизни в свете. Вспоминая о своем обучении сначала дома, а потом в университете, Честерфилд пытался предостеречь сына от чрезмерного увлечения классикой: «Первым моим заблуждением было суеверное преклонение перед классической древностью, которым я проникся под влиянием классических книг и учителей, меня к ней приобщивших. У меня сложилось убеждение, что за последние полторы тысячи лет в мире не было ни истинного благородства, ни здравого смысла, что и то и другое совершенно исчезли, после того как перестали существовать древние Греция и Рим» (88). Он разделял убеждение просветителей в неизменности человеческой природы, утверждая, что и «три тысячи лет назад природа была такою же, как сейчас; что люди и тогда и

теперь были только людьми, что обычаи и моды часто меняются, человеческая же натура – одна и та же» (89), и верил в силу и возможности человеческого разума, давая сыну следующее наставление: «Пользуйся собственным разумом и утверждай его; обдумывай, исследуй, анализируй все для того, чтобы выработать обо всем здоровое и зрелое суждение. Книги и общение с людьми могут оказать тебе помощь, но не предавайся ни тому, ни другому безоговорочно и слепо; испытай их самым надежным мериллом, которое нам дано свыше, – разумом» (90).

Поэтому Честерфилд высказывал озабоченность сложившейся в Англии системой образования молодых людей, когда родители определяли их сначала в школу, потом в университет, а после этого в заграничное путешествие. Школа, по его мнению, только наделяла детей «мерзкими мальчишескими повадками», университет – «грубыми манерами», а самыми «драгоценными приобретениями путешествий становились развязность и верхоглядство» (156). Английские университеты XVIII века сохраняли свой средневековый характер, веяния новой просветительской философии не поколебали прочно утвердившейся там схоластики. Об этом свидетельствуют, в частности, те споры по вопросам образования и обучения, которые велись на страницах сатирико-нравоучительных журналов Р. Стиля и Дж. Аддисона и других периодических изданий. Р. Стиль с полным основанием считал одним из существенных недостатков английских университетов несоразмерно большое, по сравнению с другими предметами, время, отводившееся там для изучения древних языков. «Наиболее укоренившаяся ошибка в университетах, – писал Р. Стиль в своем журнале «Опекун» в 1713 году, – заключается во всеобщем пренебрежении к тому, что делает человека хорошо воспитанным, и во всеобщем внимании к тому, что называется глубокой ученостью» [11]. Честерфилд, обучавшийся в кол-

ледже Троицы Кембриджского университета немногим более года, писал о себе: «Девятнадцати я расстался с Кембриджским университетом; в стенах его я был совершеннейшим педантом: желая блеснуть в разговоре, я приводил цитаты из Горация, когда мне хотелось пошутить, я цитировал Марциала; когда же мне приходило в голову разыгрывать из себя джентльмена, я начинал говорить стихами Овидия. Я был убежден, что здравый смысл искать надо только у древних, что классическая литература содержит все, что необходимо человеку, полезна ему и способна его украсить, и римская тога взрослого мужа была мне больше по вкусу, чем вульгарная и грубая одежда моих современников» (177). Как и другие просветители, он считал университетское образование оторванным от жизни и не имеющим ничего общего с действительностью.

Другой устоявшейся в состоятельных английских семьях традицией, достоинства которой подвергает сомнению Честерфилд, была так называемая «большая поездка» (*Grand Tour*) – более или менее продолжительное путешествие по континентальной Европе, преимущественно по Франции и Италии, в сопровождении гувернера. Английские писатели и публицисты XVIII века также не склонны были слишком высоко оценивать образовательное, а тем более воспитательное значение таких поездок. В своем знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» Адам Смит утверждал, что, уезжая за границу в 17 или 18 лет и возвращаясь в 21 год, молодой человек обычно приобретал знания в одном или двух языках, на которых не мог как следует ни говорить, ни писать, во всем же остальном возвращался «более тщеславным, более безнравственным и более неспособным к какому-либо занятию». Только дурная репутация, до которой университеты позволили себе докатиться, могла сделать распространенным столь нелепый обычай, как путеше-

ствие в этот ранний период, считал Смит [12]. Подобный карикатурный образ английского джентльмена, возвратившегося из путешествия, нарисовал Дж. Филдинг. В своем романе «История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса», описывая юношеские годы жизни богатого деревенского сквайра, он рассказывает, что мать склонила сына к двадцати годам к подобному путешествию на континент потому, что «по ее понятиям, оно отлично заменило бы ему обучение в закрытой школе или университете». Поездив по Европе, молодой сквайр, по словам Филдинга, «вернулся домой с большим запасом французских костюмов, словечек, слуг и глубокого презрения к родной стране». Мать по его возвращении «поздравила себя с большим успехом», завершает Филдинг свой рассказ, так как вскоре молодой человек «обеспечил себе место в парламенте и прослыл одним из самых утонченных джентльменов своего времени» [13]. Стремясь дать сыну самое лучшее образование, Честерфилд отправил сына в такое же путешествие сначала в Германию, затем на год в Италию, а после этого во Францию. Он видел в нем практическую пользу и считал, что изучение современных языков, знакомство с гражданским и военным устройством, конституционным строем, религией, обычаями различных народов, их ремеслами и т.д. необходимо для будущего государственного деятеля или дипломата. В его письмах часто можно встретить указания такого рода: «Узнай о государственных доходах, армии, ремеслах, торговле, полиции, правосудии. Заноси в тетрадь». Вместе с тем он в категорической форме предостерегал его от знакомства с молодыми англичанами, которых в те годы было много и в Туринской, и в Парижской академии, где Стенхопу-младшему предстояло пройти курс обучения. Весьма неприглядный образ английского «джентльмена», студента университета, он рисует перед сыном: «Чаще всего мои юные со-

отечественники – это парни неотесанные, они ведут себя за границей непристойно, и до крайности ограничены и тупы, особенно, когда сходятся вместе. Надо отдать должное моим соотечественникам, им обычно присущи пороки самого низшего пошиба. Их ухаживания за женщинами – это постыдный разврат публичного дома, за которым следует потеря здоровья и доброго имени. Трапезы их заканчиваются непробудным пьянством, диким разгулом, они бьют стекла, ломают мебель и очень часто – ломают друг другу кости» (98-99).

Честерфилд надеялся, что сыну удастся избежать их общества и вращаться только в великосветских кругах, для чего снабдил его многочисленными рекомендательными письмами. Как и Локк, он считал, что главным средством воспитания является пример. Отсюда – предпочтение домашнего воспитания обучению в школе и университете.

Какими же знаниями необходимо было обладать джентльмену, готовящему себя к карьере политика и дипломата? По мнению Честерфилда, для этого поприща совершенно необходимы были знание новых языков, умение правильно читать, писать и говорить на них, знание законов различных стран, и в частности государственного устройства, знание истории, географии и хронологии (25). Что же касается знания древних языков и литературы, то его он рассматривал как «самое полезное и необходимое человеку украшение», не иметь которого «стыдно» (52). Впрочем, Честерфилд считал, что каждому джентльмену независимо от его профессии надлежало знать языки, историю и географию, как древние, так и новые, философию, логику, риторику. Влияние средневековой системы, основанной на изучении «тривиума» (грамматика, риторика, логика) и древних языков (латинского и греческого) было тогда еще очень сильным и составляло важную часть образования джентльмена, несмот-

ря на стремления передовых мыслителей давать детям только полезные знания.

Отправляя сына на учебу в Парижскую Академию, когда тому было 19 лет, Честерфилд подвел итог своим достижениям в области обучения сына, рассматривая их как один из видов практической деятельности, приносящей доход: «Если представить тебя как дебитора и кредитора, то ты выглядишь так. Кредит: французский язык, немецкий, итальянский, латынь, греческий, логика, этика, история, право естественное, международное, публичное. Дебет: английский, дикция, манеры» (152). Но именно это последнее и составляло, по мнению Честерфилда, наиболее важную часть воспитания английского джентльмена.

Совершенно необходимым для «государственного мужа» в такой стране, как Англия, было хорошее владение английским языком, умение произносить речи, а для этого требовалось работать над дикцией, добиваться, чтобы голос был благозвучен, отчетливо произносить каждый слог и т. д. Большое значение придавалось выработке ясного делового почерка (70). Искусству говорить и писать ясно, правильно, изящно и легко следовало учиться, читая лучших писателей и внимательно вслушиваясь в речь тех, «кто достоин подражания». В качестве образца таких произведений Честерфилд рекомендовал «Характеры» Лабрюйера, «Максимы» Ларошфуко, «Мемуары» кардинала де Реца, «О воспитании» Локка, произведения Драйдена, Аттербери, Свифта, Аддисона, Попа, Болингброка (79, 80, 81, 82, 84). Особое внимание уделялось выработке подписи юного джентльмена. Честерфилд считал, что у каждого дворянина должна была быть определенная подпись, никогда не меняющаяся, ее всегда можно было легко узнать, но нелегко подделать. Он готовил сына к жизни придворного, но рассматривал ее не как праздное существование, а как огромный «деловой мир», в кото-

ром тому предстояло занять достойное положение.

Хотя Честерфилд и полагал, что знания не главное в формировании джентльмена, он считал их необходимыми для того, чтобы добиться высокого общественного положения. При этом он прекрасно понимал, что приобретение знаний и умений – это тяжелый труд, требующий много сил и времени, который можно сравнить с рабством. Для достижения поставленных целей необходимы такие качества, как трудолюбие и работоспособность, умение распоряжаться своим временем. «Чем больше часов ты будешь в пути, тем скорее ты приблизишься к концу путешествия. Чем скорее ты будешь готов к свободе, тем скорее она придет, и твое освобождение от рабства будет целиком зависеть от того, как ты употребишь предоставленное тебе время» (43), – писал он, наставляя сына в каждодневных упорных занятиях. Он радовал за человека деятельного, умеющего ценить «величайшую драгоценность» – время, и считал непростительной «праздность и совершенное безделье» (26).

Другим важным качеством, необходимым не только для обучения, но и для пребывания в обществе, по мнению Честерфилда, было старание, усердие, но главное – внимательность (22-23). Пристальное и всегда сосредоточенное на чем-то одном внимание – верный признак человека незаурядного, считал он, тогда как спешка, волнение и суетливость – характерные черты человека легкомысленного и слабого: «Нет ничего проще: надо только всегда делать что-то одно и никогда не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня» (31).

Честерфилд понимал, что знания закладываются в раннем возрасте. Неоднократно он напоминал сыну о том, что если не заложить фундамента знаний до 18 лет, он никогда потом за всю жизнь этими знаниями не овладеет. «Я не требую и не жду от тебя большого усердия в науках, после того как ты вступишь в

большой свет, – писал он – Я понимаю, что это будет невозможно, а в некоторых случаях, может быть, даже неуместно. Поэтому помни, что именно сейчас у тебя есть время для занятий, которые не будут для тебя утомительны и от которых тебя ничто не сможет отвлечь». Когда Филипу Стенхопу-младшему было 18 лет, Честерфилд вновь писал ему о необходимости упорных занятий, утверждая, что тем, чем тот будет через три года, он будет потом всю жизнь (62).

В силу сложившихся традиций для того, чтобы возвыситься в свете, джентльмен должен был овладеть танцами, верховой ездой и фехтованием. Танцы, изящное движение рук, умение надеть шляпу и подать руку, по мнению Честерфилда, «само по себе смешно», но таким выглядеть не должно, так как в силу сложившихся обстоятельств танцы могут стать для молодого человека необходимостью и должны составлять предмет внимания каждого джентльмена (17, 23). Посылая сына в заграничное путешествие в Италию, он разработал для него следующий распорядок дня. Он настаивал, чтобы, во-первых, тот каждое утро регулярно занимался с м-ром Хартом, его домашним воспитателем, как древними языками, так и всеми остальными предметами. Во-вторых, чтобы он каждый день упражнялся в верховой езде, в танцах и фехтовании. В-третьих, чтобы он в совершенстве овладел итальянским языком. И, наконец, чтобы вечера свои он проводил в самом лучшем обществе. Кроме того, требовал, чтобы Стенхоп неукоснительно соблюдал расписание Академии и подчинялся всем ее правилам (95).

Но не нравственные качества и не знания Честерфилд считал главным в воспитании джентльмена. О чем бы он ни писал сыну, какие бы строгие внушения ни делал по поводу необходимости овладевать знаниями или извлекать из прочитанного уроки высокой морали и добродетели, его мысли всегда возвращались к

необходимости овладеть «великим искусством нравиться людям» (199): «Итак, закрой книги, которые ты читаешь с серьезными целями, открой их только ради удовольствия, и пусть **великая книга светской жизни** станет предметом твоим серьезных занятий», – писал он. В этом Честерфилд видел главную цель и смысл воспитания джентльмена (152). Настоящий джентльмен – это человек, в полной мере овладевший искусством нравиться, «пресловутому» умению себя держать, светской обходительностью и манерами (178). Сами «Письма» – это настоящая энциклопедия светской жизни.

В отличие от Локка, который связывал понятие джентльмена с представителями нового дворянства – джентри, Честерфилд говорил о высших слоях общества, английской аристократии, тех людях, которые занимали привилегированное положение и, по признанию самого графа, больше остальных предавались развлечениям. К этому слою принадлежал он сам, всех же остальных относил к «низшему обществу». Правда, была еще одна категория людей, относящихся к «хорошему обществу», – это люди, которые имеют особые заслуги или добились значительных успехов в науках и искусствах. «Что касается меня, – признавался он, – то, когда я бывал в обществе м-ра Аддисона и м-ра Попа, я чувствовал себя так, как будто нахожусь с государями всей Европы» (39). Низшего же общества следовало избегать как «людей ничтожных и достойных презрения».

В зависимости от того, в каком обществе ты находишься, следовало выработать правильную манеру поведения. «Человек воспитанный умеет говорить с нижестоящими людьми без заносчивости, а с вышестоящими – уважительно и непринужденно», – учил Честерфилд (57). Его главный совет состоял в том, «чтобы общаться с теми, кто выше тебя». «Это подымет тебя, тогда как общение с людьми более низкого уровня вынудит

тебя опуститься», – объяснял он этот «секрет» карьерного успеха (39).

Джентльмен – понятие, противоположное простолюдину, и главное, что его отличает от последнего, – это манеры и поведение. Честерфилд наставлял: «понаблюдай за повадками простолюдина – для того, чтобы избежать их; пусть даже они говорят и делают то же самое, что и люди светские, ведут себя они все же совершенно иначе: именно это-то поведение, а не что-либо другое – и есть отличительная черта человека воспитанного. Самый необразованный крестьянин говорит, двигается, одевается, ест и пьет так же, как человек, получивший самое лучшее воспитание, но получается у него это совсем не так» (155).

У настоящего джентльмена должны быть благородные манеры, как в самом малом, так и в самом большом. И здесь не может быть мелочей, ибо человека светского, получившего воспитание при дворе, можно узнать и отличить от простолюдина по каждому слову, каждой позе, каждому жесту и даже каждому взгляду. Одним словом, «по ноге узнаем Геркулеса», – приводит он латинскую поговорку (155). Не случайно Честерфилд дает сыну подробные наставления о том, как чистить ногти, чтобы кончики ногтей были гладкие и чистые, без черной каймы, как важно уметь искусно нарезать мясо и птицу, учит ни в коем случае не ковырять пальцем в носу или ушах, смотреть, чтобы чулки были хорошо подтянуты, а ботинки застегнуты и т.п. Возражая своим оппонентам, которые отнеслись бы к таким советам с величайшим презрением, он обращает внимание на то, что все эти пустяки и составляют то приятное целое, что в поведении выражается словом «любезный» и что дается человеку, весьма искусному в светской жизни и умеющему расположить к себе людей (156).

В вопросах воспитания Честерфилд исходил из известного положения Локка о природной одинаковости всех людей и

неизменных принципах человеческой природы, которое было воспринято всей просветительской философией. Он признавал, что все, чем люди отличаются друг от друга, – результат их воспитания и положения в обществе. Как и Локк, он придавал окружающей среде наряду с воспитанием решающее влияние на формирование человека, утверждая, что «люди обычно бывают тем, что из них сделали воспитание и общество, когда им было от 15 до 25 лет» (56). Но у Честерфилда на первый план вышли чисто внешние различия, приобретенные манеры и светская обходительность. Он признавал, что снискать уважение и признание окружающих людей можно только будучи человеком честным и благородным, вызвать восхищение и преклонение – только будучи человеком даровитым и ученым. Но для того, чтобы заставить людей себя полюбить, находить удовольствие в твоём обществе, в жизни необходимо обладать некими особыми второстепенными качествами, теми, из которых и формируется облик воспитанного человека. Он складывается прежде всего из умения легко и непринужденно держать себя в обществе (12, 44). Для этого необходимо иметь хорошие манеры, вежливость, обходительность, приветливость, умение оказывать знаки внимания, учтивость – все те качества, которые помогают расположить к себе окружающих (10, 11, 12, 32, 44). Главное средство приобретения светских манер – опыт и подражание. Надо уметь выбрать «хорошие образцы» и внимательно их изучать.

Вместе с тем, Честерфилд прекрасно понимал, что внешняя учтивость двора обманчива. «Ты вступаешь в свет, – писал он в 1747 году, когда Стенхопу было 15 лет, – опасайся же людей, предлагающих тебе свою дружбу. Будь с ними очень учтив, но вместе с тем и очень недоверчив; отвечай им любезностями, но только не откровенностью. В твоём возрасте юноши бывают до крайности простосердечны и легко могут поддаться

обману со стороны людей искушенных, которые потом злоупотребляют их доверием» (37). «Превыше всего человеку нужно иметь открытое лицо и скрытые мысли» (184).

Для того, чтобы быть принятым в великосветское общество, от человека требовалось не доказывать или с чем-то не соглашаться, а скрывать свои знания, рукоплескать, не одобряя в душе, уступать для того, чтобы достичь своей цели, унизиться для того, чтобы возвыситься. Чтобы расположить к себе людей, надо было обладать такими качествами, как деликатность, вкрадчивость и покорность. «Живя в свете, надо иногда обладать переменчивостью хамелеона», – писал Честерфилд (164, 165).

Немаловажное значение имел внешний облик светского человека. Одним из многочисленных элементов искусства нравиться было умение хорошо одеваться. «Надо одеваться со вкусом, в соответствии с модой, чтобы костюм хорошо сидел и, кроме того, уметь его носить» (154). Это не означало, что джентльмен должен был соперничать в одежде со щеголем. Одеваться надо было так, чтобы не выделяться из всех и не казаться при этом смешным. Одежда не должна быть чересчур небрежной или, наоборот, чересчур изысканной (23). Во всем необходимо было знать меру, а главное, выработать стиль, ибо «стиль – это одежда наших мыслей» (89). Существенную часть туалета составляло также умение укладывать волосы, особое внимание следовало уделять обуви. С головы до ног надо было иметь чистый и опрятный вид. (154). Зубы, руки и ногти должны были содержаться в образцовой чистоте.

Итак, главное, чего необходимо было добиться джентльмену, – это овладеть искусством нравиться людям, в основе которого – «*suaviter in modo*» [14]: светская обходительность, умение себя держать, хорошие манеры – «великий секрет», постигнутый Честерфилдом за долгие годы жизни при дворе. Он при-

знавался сыну: «Уверяю тебя, что тем, что я стал представлять собою в свете, я гораздо больше был обязан этому вот желанию понравиться всем, нежели какому-нибудь присущему мне достоинству или каким-либо основательным знаниям, которые у меня тогда могли быть»(178).

Именно такого рода советы дали повод критикам XIX века упрекать Честерфилда в том, что он учил сына нравственным принципам, которые противоречат не только педагогическим нормам, но и элементарной этике. В действительности же в письмах нет ничего, что противоречило бы просветительскому мировоззрению. Эти слова близки утверждениям Локка, который полагал, что воспитание важнее образования и что сведения о том, как следует держать себя в обществе и что необходимо знать о ре-

альной жизни, гораздо существеннее изучения языков и цитат из античных авторов, которыми тогда забивали головы молодых людей во время учебы в университете [15]. Если Честерфилд и отходил от высоких нравственных принципов, то только потому, что лучше многих знал подлинную цену человеческих связей и отношений в том обществе, в котором, он надеялся, сын займет не последнее место. Перед ним стояла противоречивая и по сути дела невыполнимая задача – сохранить просветительские взгляды и показать действительные нравственные и этические нормы, необходимые в светском обществе. Доверительность и открытость этой переписки как раз и позволяют восстановить настоящий, а не вымышленный облик английского джентльмена XVIII века.

Библиографический список

1. Gardner. J. Chesterfield and Voltaire / «Cornhill Magazine». 1937. V. CLV.
2. Dibelius. Ch. Dickens. Leipzig and Berlin, 1926. P. 139.
3. Геттнер Г. История всеобщей литературы XVIII века. СПб., 1863. Т.1. С. 355.
4. Coxon R. Chesterfield and his critics. London, 1925.
5. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза / Пер. А. Худадовой. М., 1961.
6. Gracian B. The Complete Gentleman. London, 1730; Philpot S. Polite Education. London, 1747.
7. Честерфилд. Письма к сыну. Максимы. Характеры / Под ред. М.П. Алексеева. М., 1978. С. 81.
8. Алексеев М.П. Честерфилд и его «Письма к сыну» / Честерфилд. Письма к сыну. Максимы. Характеры / Под ред. М.П. Алексеева. М., 1978. С. 279.
9. Честерфилд. Письма к сыну. С. 164.
10. Алексеев М.П. Честерфилд... С. 266-267.
11. Англия в памфлете. Английская публицистическая проза XVIII века. М., 1987. С. 54.
12. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of the Nations \ The Glasgow Ed of the Works and Correspondence of Adam Smith. Oxford, 1976. P. 218.
13. Филдинг Г. История приключений Джозефа Эндруса и его друга Авраама Адамса. Ч. III. Гл. 7 // Филдинг Г. Избранные сочинения. М., 1986. С. 294.
14. По приемам мягко (лат).
15. Авдеева К. Д. Джон Локк о физическом и нравственном воспитании // Традиции образования и воспитания в Европе X - XII вв. Иваново, 1995.